

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 164—172.

Economic and Social Research. 2024. No. 3 (43). P. 164—172.

Научная статья

УДК 165.2

doi: 10.24151/2409-1073-2024-3-164-172

<https://elibrary.ru/zwsdzc>

Э. В. Ильенков и логика познавательного процесса

В. Н. Суханов

Российское философское общество «Диалектика и культура», Москва, Россия

suhi61@mail.ru

Аннотация. Автор анализирует борьбу Э. В. Ильенкова за действительную логику познавательного процесса. Подробно исследуется содержание «Гносеологических тезисов» Эвальда Ильенкова и Валентина Коровикова. Особое внимание уделяется первичности метода в научном познании. Производится тщательный разбор предмета философии таким, каким его видел Ильенков. Показано развитие Ильенковым положений В. И. Ленина, уничтожающих позитивизм. Анализируется «Наука логики» Г. В. Ф. Гегеля как логика реальной предметно-преобразовательной деятельности исторического человека. Статья, по форме близкая к эссе, написана к 100-летию Э. В. Ильенкова.

Ключевые слова: личность, позитивизм, мышление, предмет философии, метод, противоречие, онтологическое доказательство, Бог

Для цитирования: Суханов В. Н. Э. В. Ильенков и логика познавательного процесса // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 3 (43). С. 164—172. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-164-172> EDN: ZWSDZC.

Original article

E. V. Ilyenkov and the logic of the cognitive process

V. N. Sukhanov

Russian Philosophical Society “Dialectics and Culture”, Moscow, Russia

suhi61@mail.ru

© Суханов В. Н.

Abstract. The author analyzes the struggle of E. V. Ilyenkov for the actual logic of the cognitive process. The content of “Epistemological Theses” by Evald Ilyenkov and Valentin Korovikov is examined in detail. Particular attention is paid to the primacy of method in scientific knowledge. A thorough analysis of the subject of philosophy as Ilyenkov saw it is carried out. The development by Ilyenkov of V. I. Lenin’s provisions that destroy positivism has been shown. Hegel’s “Science of Logic” is analyzed as the logic of the real subject-transformative activity of historical person. The article, in form close to an essay, was written to mark the centenary of the birth of E. V. Ilyenkov.

Keywords: personality, positivism, thinking, subject of philosophy, method, contradiction, ontological proof, God

For citation: Sukhanov V. N. “E. V. Ilyenkov and the Logic of the Cognitive Process”. *Economic and Social Research* 3 (43) (2024): 164—172. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2024-3-164-172> EDN: ZWSDZC.

Две всемирно-исторические личности, два мыслителя внесли существенный вклад в развитие материалистической диалектики. Первый из них — В. И. Ленин, «великий практик», как сказал о нем В. В. Маяковский. Основное детище Ленина — Великая Октябрьская социалистическая революция — и сегодня, через сто лет после кончины вождя мирового пролетариата, будоражит умы и сердца как сторонников идеи коммунизма, так и ее противников. Вторая личность намного менее известна, но значимость содеянного этим человеком трудно переоценить. Речь идет о советском философе Э. В. Ильенкове.

Ильенков родился 18 февраля 1924 г., менее чем через месяц после ухода из жизни Ленина. И если Ленин вел «полями битв, а не бумаг» (В. В. Маяковский), то Ильенкову была уготована совсем иная судьба. Полям битвы Ильенкова стали именно «бумаги», которые весили в истории человечества подчас намного более, чем любая практическая «битва». Что же придавало этим манускриптам такую «весомость»?

Выдающийся мыслитель XX в. М. Лифшиц в одной из своих статей писал, что существует некий «закон сохранения мысли». И, очевидно, такой закон действительно су-

ществует, поскольку духовный подвиг Ильенкова в том и состоял, чтобы бережно и стойко вытянуть в свое и теперь уже наше время нить ленинской мысли. Не дать ей порваться. Не дать извратить суть ленинских слов. И не случайно последняя (увы, прощальная!) книга Ильенкова называлась «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма».

В 1908 г. Ленин в одиночку дал бескомпромиссный теоретический бой позитивизму, «эпидемия» которого охватила партию большевиков, в первую очередь ее руководителей. И эта «эпидемия» оказалась значительно опасней, чем пандемия коронавирусной инфекции, которую изобрели современные буржуа, чтобы оцифровать народ. И если в 2020 г. люди, случалось, умирали просто от страха, как чиновник из рассказа А. П. Чехова, чихнувший на лысину генерала, то во времена написания книги «Материализм и эмпириокритицизм» страх Ленина был вполне обоснованным: речь шла о судьбе революции, а как выяснилось впоследствии — и о движении всего советского государства. Именно поэтому Ильенков и начинает свою книгу словами: «За истекшие 70 лет со времени выхода книги В. И. Ленина “Материализм и эмпириокритицизм”

идейные битвы не стали ни менее напряженными, ни менее значимыми для судеб людей, объединенных в те же самые борющиеся партии, что и в начале столетия. Меняются имена и названия, совершенствуется, становясь все более изощренной, стратегия и тактика борьбы, но суть ее остается той же. Вопрос по-прежнему стоит так, как поставил его в 1908 г. Ленин: либо последовательный (диалектический) материализм — либо беспомощные плутания в теории, плутания, чреватые печальными, а то и трагическими последствиями. Начинаясь в отвлеченных, казалось бы, сферах, эти плутания рано или поздно заканчиваются на грешной земле» [2, с. 21].

Ленин называет свою битву с русскими махистами «философской дракой», а своего близкого друга Максима Горького, не понявшего сути этой «драки», обвиняет в богостроительстве, хоть и по-дружески, но очень жестко объясняя пролетарскому писателю: «Никогда идея бога не “связывала личность с обществом”, а всегда *связывала* угнетенные классы верой в *божественность* угнетателей» [4, с. 232].

Ильенков также не раз повторял, что «нет божества без убожества». Занимаясь постоянным философским и, скажем шире, общекультурным образованием, — штудировав Платона, Аристотеля, Спинозу, Канта, Гегеля, даже на фронте читая Маркса и Толстого, «хронически болея» музыкой Вагнера, — молодой ученый ясно видел, что наследие ленинской мысли в такой ключевой науке строительства коммунизма, как философия, разбазарено, размыто, стерто, неопределенно. В результате само определение предмета философии стало подобным определению «боженьки», с которым так рьяно сражался Ленин. Обожествлялись успехи естественных наук, обожествлялась сама техника, с помощью которой внедрялись достижения этих наук, обожествлялась технология про-

изводственного процесса. Что же оставалось на долю философии? Только обобщать эти «божественные успехи» как «царице наук», «богине богинь». Ильенков понимал, что философия никогда не была «над схваткой», а всегда стремилась стать нервом познания человеком природы и самого себя. В учебниках по марксистско-ленинской философии определение предмета философии звучало так: «Философия — наука о наиболее общих законах развития природы, человеческого общества и мышления» [7, с. 5]. Это упрощенное и слегка подправленное определение диалектики, данное Ф. Энгельсом в работе «Анти-Дюринг». Только у Энгельса вместо «наиболее общее» было «всеобщее». Но «всеобщее» — это гегелевское понятие. А вдруг какой-нибудь вдумчивый студент заглянет в Гегеля, да и увидит во всеобщем еще особенное и единичное? А в конкретном — единство многообразного? Так, как это сделали бывшие фронтовики, преподаватели философского факультета МГУ Эвальд Ильенков и Валентин Коровиков, которые в 1954 г., через 46 лет после битвы Ленина с Каприйской школой, поняли, «что молчать больше нельзя», и подали «Гносеологические тезисы», в которых указывали, что ***предметом философии является мышление в исторически развивающихся категориальных формах.***

Но послушаем самого Ильенкова. Приведем три его высказывания по предмету философии из «Философской тетради», датированной 1953—1954 гг. В этой тетради молодой ученый промышлял содержание будущих тезисов: «Философия занимается, по-видимости, тем, что исследует наиболее существенные, наиболее важные и характерные для эпохи тенденции развития научного мышления, и т[аким] о[бразом] косвенно отражает и те закономерности природы и общества, которые имеют существенно важное, жизненное значение для данной эпохи.

Мне думается поэтому, что предметом философии — всякой — идеалистической и материалистической — было одно — пугаться этого не следует — и это одно — основные, жизненно важные в общественном отношении закономерности природы и общества, поскольку они уже нашли свое выражение в общественном сознании в виде основных тенденций познания.

И поскольку мышление эти закономерности вскрывает, поскольку оно получает возможность расценивать отдельные успехи наук в общемировоззр[енческом] контексте — оно называется философским» [3, с. 174]. И далее об историческом движении философии к своему предмету: «Философия в ранние периоды развития пыталась охватить вообще весь круг вопросов, подлежащий разрешению усилиями всех наук в их развитии. В начале философия пыталась разрешить те вопросы, которые ей разрешить и не под силу, и прогресс состоял в том, что положит[ельные] науки отпочковывали из-под эгиды философии один круг вопросов за другим. Пока наконец у философии не остался лишь один четко стоящий перед нею и находящийся целиком в ее компетенции — это вопрос об отношении мышления и бытия, вопрос, который философия только тогда смогла решить подлинно научно, когда она отказалась от всякого философствования в старом смысле, и стала на почву реально-практ[ического] действия, когда она разрешила этот вопрос не философски, не умозрительно, а путем обращения к практике.

Только здесь философия обрела тот круг вопросов, который ей под силу разрешить, и тем самым стала иметь перед собою такой предмет, который подлежал конкретному, а не философскому исследованию, и философия сама приобрела характер положит[ельной] конкретной науки. И этот вопрос есть вопрос об отношении мышления к бытию, тот самый вопрос, который всегда,

во все времена был подлинным предметом, ядром, вокруг которого так или иначе группировались остальные вопросы, которые человечество пыталось решить философским способом только потому, что не умело еще решить их конкретным путем, путем положит[ельной] науки...» [3, с. 179—180]. И далее: «Ведь ясно, что постигнуть “мир в его единстве, в его движении, изменении и развитии” способно только все познание в целом, вся совокупность наук, и что такая задача никак не по плечу одной философии, хотя бы даже и марксистско-ленинской...

Не может философия решать задачу, которая по плечу лишь всей совокупности наук о природе и обществе, если она не хочет претендовать на роль “науки наук”» [3, с. 183].

И еще отрывок из «Философской тетради» Ильенкова о методе: «Я думаю, что мировоззрением философия является только потому, что она представляет собою метод научного постижения мира, а не наоборот, не потому она является методом, что сначала выступает как мировоззрение...

Она — сначала метод, а потом, и вследствие этого, проникая во все остальные науки, направляя их развитие, оплодотворяя их, она является и мировоззрением.

Методологически правильнее ставить вопрос так. Так, кстати, и Сталин ставил» [3, с. 207].

Добавим вслед за Ильенковым, что так вопрос ставил и Ленин в «философской драке» с позитивистами. Либо мы, вооружившись методом Гегеля, методом восхождения от абстрактного к конкретному, будем исследовать капиталистическую действительность так, как это делает Маркс в «Капитале», либо, исходя лишь из революционного чутья пролетариата и «комплексов ощущений» революционно настроенной интеллигенции, сотворим нечто далеко разнящееся с истиной, с логикой развития действительности.

Ведь и поражение революции 1905 г., и Ленин это отлично понимал, произошло во многом из-за неспособности руководителей революции теоретически верно оценивать ситуацию, неумения всесторонне учитывать соотношение сил и средств борьбы. Считая Гегеля буржуазным теоретиком, после поражения революции большевистские лидеры стали искать «новой философии». Не свихнулся в позитивизм только один Ленин. «Ленин ясно понимал, что те “особые философские взгляды”, которые с такой настойчивостью и чем дальше, тем активнее старались навязать партии Богданов, Базаров, Луначарский, Суворов и их единомышленники, делают головы доверившихся им людей абсолютно непригодными именно для самого важного, “общепартийного дела” — для научного марксистского осмысления уроков потерпевшей поражение революции. Речь шла не о пустяках, не о деталях понимания, не о частных тактических разногласиях — о самых глубоких основах марксистского мышления, о логике анализа действительности», — пишет Ильенков в книге о Ленине [2, с. 30]. Обращение к Ленину и его «философской драке» за основной вопрос философии Ильенкову было необходимо вовсе не из целей чисто гносеологических (хотя именно в гносеологизме Ильенкова обвиняли больше всего), — выдающийся советский философ отлично понимал, что головы, подменившие истинный основной вопрос философии позитивистским, напрочь лишены ума. С такими «головами» коммунизм не построишь: «Ибо не отношение сознания к мозгу, а отношение сознания к внешнему миру составляет тот вопрос, вокруг которого махисты сами затеяли спор. Отношение же сознания к мозгу — это тоже важный вопрос, но решается он конкретными нейропсихологическими исследованиями, психофизиологией.

Ленин и говорит: все, что происходит внутри тела человека и его мозга, его

нервной системы и органов чувств, — это монополия естествоиспытателей. Но им иногда начинает представляться, что решение вопроса об отношении сознания к мозгу и телу человека в целом и есть решение основного вопроса философии, вопроса об отношении всего сознания ко всему внешнему (по отношению к сознанию) миру» [2, с. 43].

Почему так получилось, что к 1954 г. в научном мышлении всюду господствовал позитивизм, а диалектика в познании мира была подменена формальной логикой? Соответственно и законы формальной логики стали руководящими как в теоретических исследованиях, так и в практических делах.

Ильенков в своей «Философской тетради» пишет и подчеркивает красным карандашом: «Истина есть процесс, а не метафизически данная застывшая величина», а на полях рядом с этой фразой уточняет: «Ленин» [3, с. 201]. Далее философ раскрывает это ленинское положение: «Философия не отвечает на вопрос — каков предмет сам по себе — она только корректирует движение познающего мышления.

Надо признать, что только такое понимание философии как науки о закономерностях действительно познающего, предметного мышления, и может дать четкое разграничение философского и положительного моментов в познании» [3, с. 206].

Действительно, чистые формы вещей исследует и математика (к примеру, геометрический шар — чистая форма всех круглых вещей), но у философии свой собственный интерес — это наука о том, каким способом изменяется наше действительное познание «вещи» в соответствии с ее чистой формой. Поэтому философия может и должна помочь любой положительной науке обнаружить ее собственное начало — предельно абстрактное пустое, но тем не менее абсолютно тождественное с познаваемой «вещью». В том-то и гибкость диалектического понятия, что,

будучи абсолют, в каждой положительной науке оно проявляется по-разному. У каждого исследования, у каждой науки, у каждого предмета свое противоречие, которое должно разрешиться, чтобы родилась «вещь». Ведь если мы хотим найти начало вещи, мы обязаны найти начало начала. Где, скажем, такое начало в таких непростых науках, как педагогика, психология? Говорят, Ленин в детстве любил ломать игрушки. Может, он и искал здесь, в свободном экспериментировании с «вещью», свое начало? Может, поэтому так и внимателен Ленин в 1914 г. к «Науке логики» Гегеля, ко второму тому «Логике», где разбирается положение о противоречии? Вождю революции необходимо было сохранить жизнь революционного процесса, «оплодотворив» его истиной научного познания. Потому так и непримирим Ленин к мертвому «боженьке» и к формально-логическому мышлению позитивистов. Положение о противоречии и его разрешении руководитель партии большевиков выписывает в свою тетрадь из Гегеля почти полностью. Ленину в предреволюционной России Гегель был необходим как воздух, необходимо было понять, как и почему различия, подчас даже лежащие на поверхности, доводятся до остроты противоречия. Всякие ли различия необходимо доводить до противоречия? А если не всякие, то как определить, какие различия существенные, какие несущественные? Ведь, скажем, если различие между пролетариатом и буржуазией сама действительность заостряла до предела, то как быть с различиями между рабочими и крестьянами, различиями в укладах многих наций, входивших в состав Советского Союза?

Ильенков своим ученикам говорил: «Читайте Гегеля». Самые внимательные к словам философа понимали, что читать Гегеля можно только по-ленински. Ведь только тогда Гегель будет понят, когда он станет действительным

«корректировщиком» твоего практического преобразовательного процесса. Знание логики изменения знания и самого предметного познания предполагают друг друга. Насколько мы не можем осуществлять истинное познание «вещи», не зная логики преобразования знания, настолько и сам логический процесс будет неполным, неистинным, если не будет вычерчиваться точкой совпадения познания «вещи» с «вещью», точкой тождества мышления и бытия.

Именно поэтому вполне логично прийти к выводу, что в «Логике» Гегеля «нет никакого идеализма», что и было впервые высказано ровно через сто лет после «философской драки» Ленина с махистами на Ильенковских чтениях 2008 г. председателем Чтений Г. В. Лобастовым. Высказанное положение вызвало жаркую дискуссию. Оппонировал Г. В. Лобастову профессор В. Г. Арсланов, категорически утверждая, что «сам Ленин» называл Гегеля «идеалистической сволочью». От этой дискуссии веяло и жаром, и грустью. «Сам Ленин...» И снова вспомнился Владимир Маяковский: «Я боюсь, чтоб шествия и мавзолеи, поклонений установленный статут не залили б приторным елеем ленинскую простоту». И подумалось: как бы и нам, восхищающимся силою ума Эвальда Васильевича, не скатиться до банального и пошлого — «Сам Ильенков...»

Но дискуссия на Ильенковских чтениях — 2008 оказалась не бесплодной. В 2020 г. Г. В. Лобастов развернул свое положение о материализме Гегеля в статье «Логика понятия в философии Гегеля (к материалистической апологии гегелевской философии)» [6].

Ленин, штудирова Гегеля, постоянно пишет на полях: «Отбрасываю боженьку». Или: «Об онтологическом доказательстве, о боге чушь!» [5, с. 166]. Но, читая Гегеля, мы почему-то, сколько ни вглядываемся, «боженьку» не находим. Ведь ясно, о каком «боженьке» у Ленина идет речь — мертвом,

неразвивающемся, метафизическом, порабошающем сознание трудящегося боге. И бога (абсолют) Ленин видит только таким, объясняя «непутевому» Горькому, что «всякий боженька есть труположество — будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а строяемый боженька, все равно» [4, с. 226]. Но где у Гегеля в «Науке логики» «труположество»? Не ищите — не найдете даже миллиграмма! Более того, если бы объявить конкурс на эпитафию к «Науке логики» Гегеля, то Маяковский снова бы победил: «Ненавижу всяческую мертвечину! Обожаю всяческую жизнь!»

Повторюсь, положение о противоречии и его разрешении из второго тома «Науки логики» Ленин конспектирует предельно плотно. Примечателен один комментарий. «Идея универсального движения и изменения <...> угадана до ее применения к жизни и обществу» [5, с. 127]. И здесь, конечно, есть некое заблуждение Ленина. Гегель — не гадалка! Гегель выводит абсолютную идею из бытия и сущности. И кстати, по отношению к «боженьке» Гегель сразу, с первых строк «Науки логики», высказывает свое однозначное суждение, дабы сразу расставить все точки над *i* и навести немецкий *ordnung*. Метафизическое понятие Бога «как совокупность всех *реальностей*», которые «не противоположны и не противоречат друг другу» [1, с. 96], Гегель, в отличие от Ленина, не отбрасывает, а снимает, утверждая в движении категорий от непосредственного бытия до абсолютной идеи действительное онтологическое доказательство бытия Бога. Именно в этом суть статьи Г. В. Лобастова: «...Бог, мыслимый как начало и завершение бытия, полностью совпадает с логическим движением. Принцип тождества бытия и мышления находит здесь полное свое выражение. Абсолютная идея, развитие которой как раз и представлено логическим движением, есть внутренняя логика субстанции-

субъекта, которая и представляется как Бог. В логике Гегеля, надо сказать, осуществлено то, над чем бились великие мыслители, начиная от Ансельма и Фомы, — осуществлено доказательство бытия Бога. Здесь абсолютное содержание бытия — и чувствуемое, и мыслимое — выражено в движении логической мысли. Тем самым Бог, абсолютное, представлен в логической форме, сведен к логическому. Что и отвечает требованию доказательства. Абсолютное получило форму логического выражения, абсолютно-истинного знания, представлено в форме абсолютной идеи, которая, по существу, уже не требует отношения веры, субстанция исчерпана логическим движением, а мышление показано как абсолютная способность понятия, то есть понимания. Ведь идея доказательства бытия Бога заключается именно в том, чтобы показать выразимость абсолютного в мысли, а тем самым — их тождество. Показать, что мысль достигает пределов бытия, что абсолютная истина дана (дается) в логической способности мышления. Бытие абсолютного, Бога, доказано, если оно выражено в мышлении, согласовано и совпало с движением мысли.

Все аргументы, выстраиваемые в ряду исторических попыток доказательства бытия абсолютной сущности, даже самый сильный — онтологический, — более всех прочих развивающий и удерживающий диалектику мысли, не достигают своей цели. Гегелевская же диалектика детально-подробным своим разворачиванием чистых форм мышления как раз и выражает “божественную идею” абсолютного. Идею, которая не над миром и не до мира (позиция, которую занимает сознание мыслителя), а внутри него — как его собственное определение и как форма его самоопределяемости. Тем самым Гегель показывает логическую идею как мировую субъектность, субстанция здесь выражена как субъект. А развивающееся

в субъективной форме понятие — как мысль, снимающая бытие и сущность и одновременно выражающая их, бытия и сущности, внутреннюю логику. Потому и Бог тут оказывается тождественным логической идее» [6, с. 183].

В заключение хотелось бы вернуться к Максиму Горькому и его духовному поиску. Уже в детстве Горький увидел, что у дедушки и бабушки разный Бог. Когда Алеша Пешков был совсем еще малышом и спал в комнате вместе с бабушкой, он видел, что каждый вечер бабушка становилась на колени перед иконой и рассказывала Богу о всех прошедших за день делах. Долго, обстоятельно советовалась, просила разрешить конфликты между дедом и сыновьями и много всего другого. Фактически, бабушка не совершала ничего «труположского», наоборот! Ее разговор с Богом — это была своего рода рефлексия содеянного ее семьей за сутки. Конечно, бабушка фиксировала лишь различия, естественно находясь в плену представления. До противоречия различия заостряла жизнь. Вспомните из повести Горького «Детство», как дядья рвали каждый к себе Цыганка. И как это противоречие разрешилось в действительности. У деда был другой бог. Может, именно поэтому Горький всю жизнь искал бабушкиного Бога, преобразовывал его, и вошел в мировую литературу, в совершенстве владея методом обнажать в художественном образе противоречия жизни. «Правда — бог свободного человека!» — говорил писатель. Но разве метафизический «боженька» помог сотворить Горькому такие высокохудожественные образы Человека, как Сатин и Данко? Хочется высказать такую гипотезу: Ленин не совсем понимал личность, душу Горького, который пространство существования своего Бога выходил босыми ногами по матушке-Руси, заработав туберкулез. Именно босыми ногами (а это, может, еще

покруче, чем поездка Че Гевары на мотоцикле по Латинской Америке в юном возрасте). И думается, что Бог Горького был очень близок гегелевскому Богу как «совокупности всех отрицаний». И это не голословное утверждение — перечтите «На соли», «Старуха Изергиль», «Сказки об Италии», «Коновалов». Как замечательно фиксирует противоречие Коновалова писатель — пьет беспредельно, а работает бесконечно светло и красиво. И если любит — идет до конца: влюбившись в проститутку, отдает ей всего себя, делает всё, чтобы вытащить любимую женщину с самого дна. Разве вы найдете здесь хоть каплю зла? Разве вы найдете здесь дурную субъективность, столь жестко осуждаемую Гегелем? И разве Коновалов не художественный двойник Ильенкова? Коновалов влюбляется в женщину с самого дна и отдает ей свое сердце, не думая о последствиях. Ильенков так же, не думая о личном благе, отдает свое сердце Истине, которая тоже ведь начинается на дне, в рабочих руках, — вырывает сердце из груди и поднимает над собой, освещая нам дорогу.

Список литературы и источников

1. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики. Изд. 2-е, стер. СПб.: Наука, 2005. 799 с. (Слово о сущем).
2. *Ильенков Э. В.* Ленинская диалектика и метафизика позитивизма; Диалектика идеального / сост. А. П. Поляков. М.: Мир философии: Дмитрий Сечин, 2015. 336 с.
3. *Ильенков Э., Коровиков В.* Страсти по тезисам о предмете философии, 1954—1955 / [авт.-сост. Е. Иллеш]. М.: Канон+, 2016. 271 с.
4. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 48: Письма. Ноябрь 1910 — июль 1914. М.: Госполитиздат, 1964. XII, 543 с.
5. *Ленин В. И.* Философские тетради. М.: Политиздат, 1965. XXII, 752 с.
6. *Лобастов Г. В.* Логика понятия в философии Гегеля (к материалистической апологии гегелевской философии) // Вопросы философии. 2020. № 8. С. 181—192. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-8-181-192> EDN: HLQHYN.

7. Марксистско-ленинская философия. Диалектический материализм / ред. кол.: А. Д. Макаров и др. Изд. 2-е. М.: Мысль, 1971. 335 с.

References

1. Hegel Georg Wilhelm Friedrich. *The Science of Logic*. Transl. George Di Giovanni. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015. 866 p. Cambridge Hegel Translations.
2. Ilyenkov Evald V. *Lenin's Dialectics and Metaphysics of Positivism. Dialectics of the Ideal*. Comp. A. P. Polyakov. Moscow: Mir filosofii; Dmitriy Sechin, 2015. 336 p. (In Russian).
3. Ilyenkov Evald, Korovikov Valentin. *Passions about Theses on the Subject of Philosophy, 1954—1955*. Auth. and comp. by E. Illesh. Moscow: Kanon+, 2016. 271 p. (In Russian).
4. Lenin V. I. *Letters. November 1910 to July 1914*. Moscow: Gospolitizdat, 1964. xii, 543 p. (In Russian). Vol. 48 of *Polnoye sobraniye sochineniy*, 5th ed.
5. Lenin V. I. *Philosophical Notebooks*. Transl. by Foreign Languages Publ. House. London: Lawrence & Wishart, 1961. 638 p. Vol. 38 of *Lenin Collected Works*.
6. Lobastov G. V. "The Logic of Concept in Hegel's Philosophy (To the Materialistic Apology of Hegelian Philosophy)". *Voprosy filosofii* 8 (2020): 181—192. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-8-181-192> EDN: HLQHYN.
7. *Marxist-Leninist Philosophy. Dialectic Materialism*. Ed. board: A. D. Makarov et al. 2nd ed. Moscow: Mysl', 1971. 335 p. (In Russian).

Информация об авторе

Суханов Валерий Николаевич — кандидат технических наук, участник Российского философского общества «Диалектика и культура» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, 247-30). ORCID: 0000-0003-1309-9284. SPIN-код: 4917-3982.

Information about the author

Valery N. Sukhanov — Cand. Sci. (Eng.), member of the Russian Philosophical Society "Dialectics and Culture" (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, 247-30). ORCID 0000-0003-1309-9284. SPIN code: 4917-3982.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024.

The article was submitted 27.02.2024.